

A decorative flourish consisting of several overlapping, flowing lines in shades of gray, framing the text.

ТАТЬЯНА КОРСАКОВА

королева мистического романа

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ ТАТЬЯНЫ КОРСАКОВОЙ

Ничего личного	Смертельное танго
Хозяйка колодца	Ты, я и Париж
Третий ключ	Судьба № 5
Дом у Чертова озера	Хрустальное сердце
Пепел феникса	Миллионер из подворотни
Волчья кровь	Мужчины не плачут
Слеза ангела	Паутина чужих желаний
Печать василиска	Вранова погоня
Проклятый дар	Сердце ночи
Музы дождливого парка	Лабиринт Медузы
Самая темная ночь	Темная вода
Час перед рассветом	Снежить
Ведьмин клад	

ЦИКЛ «ТАЙНА ВЕДЬМЫ»

Не буди ведьму
Ведьмин круг
Беги, ведьма!

ЦИКЛ «ГРЕМУЧАЯ ЛОЩИНА»

Гремучий ручей
Шепот гремучей лощины
Усадьба ожившего мрака
Цербер-хранитель
Один сон на двоих

ЦИКЛ «СТРАЖЕВАЯ БАШНЯ»

Свечная башня
Светочи тьмы

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА



ЦЕРБЕР-ХРАНИТЕЛЬ



Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Редактор серии *Е. Дмитриева*

Художественное оформление серии *Е. Петровой*

Корсакова, Татьяна.

К69 Цербер-хранитель / Татьяна Корсакова. —
Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-206804-1

Много десятков лет прошло с тех пор, как был повержен последний монстр усадьбы Гремучий ручей. Больше не появляются в ее округе растерзанные жертвы и восставшие мертвецы, не ставятся эксперименты над людьми, не слышится странный шепот... И вот в усадьбе Гремучий ручей открывают элитный реабилитационный центр, и сюда мгновенно стекаются богатые пациенты. Лощина словно пробуждается ото сна, а вместе с ней и древнее зло, которое не сгнуло, а всего лишь затаилось... Молодой врач центра Мирон чувствует, что вокруг происходит что-то жуткое, но что? К своему удивлению, ответы он находит, по странным причинам оказываясь в снах одной из пациенток — Леры.

УДК 821.161.1-31

ББК84(2Рос=Рус)6-44

© Корсакова Т., 2024

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-206804-1



ГЛАВА 1

Сумерки накатывали на дорогу сизыми волнами. Пока еще волны эти были подсвечены пурпуром заходящего солнца, но очень скоро тьма возьмет власть над миром. Власть недолгую, но все равно пугающую. Большинство людей боятся тьмы, но Харон никогда не относил себя к большинству. Он любил и ночь, и вот этот хрупкий момент умирания уже отжившего свое дня. Работать в ночную смену он тоже любил. Впрочем, как и саму свою работу. Но эти сумерки омрачило нечто непривычно неправильное. Харон не сразу понял, что не так. Ему всегда было тяжело перестраиваться, успевать за текучестью и суетливостью жизни. Но это неправильное было не из жизни. Харон почувствовал это кончиками пальцев, нервными окончаниями, натренированными познавать мир не только на свету, но и в темноте. Это неправильное выплеснулось под колеса его автомобиля вместе с сумерками. Или вместо сумерек? Оно клубилось над придорожным кустарником черным, то и дело меняющим свои очертания облаком. И воздух пах не так, как должен был пахнуть в преддверии ночи. Не остывающим после дневного жара асфальтом, не дорожной пылью, не лесом. Пахло гарью, чем-то душиливо-химическим.

Харон бы проехал мимо, просто поднял бы боковое стекло, надежно закупоривая салон авто. Он бы даже не стал выяснять, из чего соткано то бесформенное облако, если бы в самый последний момент, когда рука уже потянулась к кнопке стеклоподъемника, не учуял еще кое-что...

К химическому запаху гари примешивался еще один не подходящий этому месту и этому времени запах. Пахло свежей кровью...

Харон тяжело вздохнул и направил автомобиль к обочине. Заглушая мотор, он уже отчетливо понимал, что было бы разумнее и рациональнее просто проехать мимо, но он никогда не отменял ни однажды принятых решений, ни однажды взятых на себе обязательств. Он просто посмотрит. Для начала посмотрит, а уж потом решит, как действовать дальше. И стоит ли вообще действовать.

Вне уютного автомобильного салона запахи усилились многократно: и едкий химический, и сладкий кровавой. Животное? Кто-то сбил на этой лесной дороге животное. Ничего удивительного: дорога старая и после открытия новой развязки не особо торная. Пользовались ею только местные, да и то лишь те, чей транспорт обладал достаточной проходимостью. Рыбаки, охотники да вот он — Харон. Ну, и еще кое-кто из молодежи, байкеры без мозгов и глушителей. Байкеров Харон не любил. За суетность и шумную сумятицу, которую они вносили в размеренную ночную жизнь. Он вообще не любил шум и сумятицу, ему нравились тишина и предсказуемость.

Сегодня вечером с размеренностью вышел прокол. Прежде чем спуститься по склону оврага, Харон осмотрел дорогу. Не то чтобы он был великим следопытом, но очевидное мог разглядеть. А очевидное оставило на старом асфальте след стремительного торможения. Или стремитель-

ного ускорения. Это уже не его ума дело. А его ума дело — вот эта лужа с уже подсохшей, свернувшейся кровью. Харон жадно втянул носом воздух, прикрыл глаза.

Кровь человеческая, в этом не было никаких сомнений. За годы жизни и работы он научился различать нюансы того, от чего простого смертного мгновенно начинало мутить.

И копошащееся над зарослями кустарников облако — не просто гнус, как подумалось сначала. Это летучие мыши, ночные твари, по какой-то удивительной прихоти сбившиеся в стаю. К летучим мышам Харон испытывал необъяснимую симпатию, куда бóльшую, чем к птицам. Пожалуй, из птиц он с определенной долей уважения относился лишь к воронам и нисколько не удивился бы, если бы над землей кружили именно они. Вороны — падальщики, они всегда там, где оставила свой след смерть. А она оставила. Кровавая лужа — наилучшее тому доказательство. Остается узнать, ушла ли смерть на сей раз с добычей. Ведь бывает по-разному. Ему ли не знать?

Харон задумчиво повертел в руках свою трость с серебряным набалдашником в виде черепа. Ничего особенного — просто дань имиджу, как сказал бы Мирон. Харон никогда не пытался Мирона переубедить. Он вообще не считал нужным вступать в дебаты с живыми. Он и в диалоги-то вступал крайне неохотно, большей частью по велению долга, а не сердца. Но с Мироном все получилось по-другому. Харон винил в этом только себя — свое однажды принятое решение, а потому смиренно терпел и выходки, и колкости мальчишки.

Пиджак, сшитый у лучшего портного из дорогого английского сукна, он предварительно снял и аккуратно положил на пассажирское сиденье. Не хотелось испортить

хорошую вещь. Туфли тоже было жалко, но спускаться на дно оврага босиком не хотелось.

Спускался осторожно, раздвигая разлапистые ветки тростью, зорко всматриваясь в уже почти полновластную темноту. В темноте Харон видел хорошо, куда лучше остальных людей. И слух имел отличный. Что уж говорить про нюх? Вот таким уникальным он уродился много-много лет назад.

А запахи становились все сильнее и сильнее. И сладкий кровяной, и душный химический. Теперь уже совершенно отчетливо воняло горелым пластиком и краской. Кровью пахло слева, а гарью справа. Харон замер на долю секунды, а потом свернул влево.

Облако из летучих мышей не просто клубилось в небе. Словно невидимой пуповиной оно было привязано к лежащему на земле телу. Харон махнул тростью, летучие мыши с возмущенным писком взмыли вверх, но далеко не улетели. Кружили над головой, примерялись, как бы побыстрее да половчее вернуться обратно. Харон еще несколько раз махнул тростью, отгоняя самых настырных, и шагнул вперед.

Он не сразу понял, кто перед ним. Человек лежал на спине, раскинув руки, неестественно запрокинув голову к небу. Харон посмотрел на лицо, едва различимое в темноте, залитое запекшейся кровью, присел перед человеком и принюхался. К сладкому кровяному духу примешивались едва уловимый цветочный аромат и едкая алкогольная вонь. Виски, пиво, вино...

Прежде чем проверить пульс, Харон провел пальцами по этому залитому кровью лицу. Высокий лоб, складка между бровями, крошечный шрам на левой брови, запекшиеся и удлинившиеся от крови, словно от туши, ресницы, высокие скулы, острый нос, крепко сжатые челюсти,

мягкие губы, упрямый подбородок, длинная шея, в яремной ямке — алая лужица, но раны на шее нет. На шее нет, а на голове? Харон запустил пальцы под спутанные липкие волосы, ощупал затылок. Красивый череп, удивительно правильной формы. Был бы правильной, если бы не кровотокающая вмятина на правой теменной кости.

Пульс можно было не проверять, женщина — а это без всяких сомнений женщина — была жива. Пока еще жива. Жизнь ее не продлится долго, Харон не сомневался в этом ни секунды.

Жаль. Такая прекрасная фактура. Такой идеальный череп. Лицо под кровавой маской едва различимо, но Харон привык доверять своим пальцам.

У художников и фотографов есть понятие уходящего света. Когда непременно нужно поймать правильный свет, поймать, пленить на холсте или на фотопленке. У некоторых, особо ушлых, даже получается заключить свет в цифровую ловушку. Харон понимал, что чувствует художник, когда прекрасный правильный свет вот-вот уйдет. Досада. Разочарование. Иногда даже физическая боль. Он тоже считал себя художником. В каком-то роде. И его свет тоже уходил прямо сейчас — оставались часы, если не минуты. И действовать нужно быстро.

Белоснежную сорочку Харон заляпал кровью в тот самый момент, как поднял женщину с земли. К черту сорочку! Лишь бы не упустить свет!

Но портить салон своего авто он не стал — как можно аккуратнее, как очень дорогую, но безнадежно поломанную куклу, положил женщину на дорогу. Расстелил на полу салона пахнущий дезсредствами брезент, переложил на него тело, завернул, оставляя на поверхности лишь лицо. Если ему повезет, она не задохнется и не захлебнется рвотой или кровью в пути. Если ему повезет, он поймает свой свет.

Просто нужно действовать решительно и быстро. Жаль, что нет времени, чтобы посмотреть, что же там сгорело в лесу. Впрочем, не жаль. Его никогда не интересовали технические объекты. Ему вполне хватало биологических.

Автомобиль Харон старался вести быстро, но аккуратно, объезжая многочисленные ямы и рытвины, притормаживая на развилках, соблюдая все правила дорожного движения. Он всегда придерживался правил. Особенно тех, что устанавливал сам. Но и с правилами, принятыми в социуме, старался считаться. Так было проще, так было удобнее.

Контора стояла на окраине города. Мрачный двухэтажный особняк со строгими дорическими колоннами, тяжелым фронтоном и мраморной статуей женщины на входе. Обыватели видели в ней полуобнаженную греческую красотку, дорогой новодел, этакое заигрывание со стилем и декором. Правду знали единицы. Вход в контору охраняла прекрасная Персефона, владычица преисподней. Ленивым взглядом из-под тяжелых век она следила за всеми, кто переступал порог этой конторы. За живыми, за мертвыми, за пока еще живыми...

Со всеми теми же предосторожностями Харон вытаскивал свою случайную добычу из салона. Прямо брезентовым кулем и вытаскивал. Или, лучше думать, не кулем, а куколкой, из которой очень скоро может родиться прекрасная бабочка, сбросившая бранные оковы души. Душу встретит Персефона, а он позаботится о теле. Но сначала постарается поймать свет.

Проходя мимо Персефоны, Харон привычно замедлил шаг, поклонился. В его поклоне не было ни раболепия, ни страха, ни обожания — обычное приветствие старых знакомых, занятых, по сути, одним и тем же делом. Персефона привычно проводила его пристальным взглядом, от

которого зазудело между лопаток, и, кутаясь в ночь, как в шелка, исчезла из виду.

Контора встретила Харона лишь гулким эхом его тяжелых шагов. По ночам он работал один, отпускал всех сотрудников, чтобы не мешали и не отвлекали. По ночам ему хотелось остаться один на один с тем божеством, которому он верой и правдой служил много лет. Прижимая к себе уже пропитавшийся кровью брезентовый куль, Харон включил свет и быстрым шагом направился по строгой анфиладе залов в техническое крыло — так эту часть особняка называли остальные сотрудники. Так им было легче, а самому Харону было все равно.

Техническое крыло охранялось максимально надежно. Не от грабителей и разбойников, а от любопытствующих зевак. Чтобы попасть сюда, нужно было воспользоваться картой-пропуском. Как в банке, шутил по этому поводу Мирон. Он вообще любил пошутить над тем, что нужно лишь в тишине и покое. Харона это раздражало, но не настолько, чтобы запретить Миرونу приходить в контору. Кстати, и конторой назвал это место именно Мирон. Снова упростил и опростил, низвел до обычного человеческого уровня. А персонал тут же подхватил это дурацкое словечко. Да что там персонал! Сам Харон не раз ловил себя на том, что мысленно называет особняк конторой.

В коридоре технического крыла свет включался от датчиков движения. Очень удобно, когда твои руки заняты пропитавшимся кровью брезентовым свертком. Отличное техническое решение для технического крыла.

Прозекторская, святая святых этого места, была заперта уже на самый обычный замок. Никаких ключ-карт, только олд-скул. Так бы сказал Мирон. Или уже однажды говорил? Прижимая к себе сверток, Харон порывлся в кармане брюк, достал ключ, отпер дверь.

Внутри царил идеальный, строго и неукоснительно поддерживаемый порядок. Белоснежный кафель стен. Сияющий хром прозекторских столов. Хирургические лампы над ними. Застеленная белой простыней каталка. Сонно гудящая система вентиляции. Металлический шкаф с инструментами. Рабочий стол с выключенным компьютером. На этом все — ничего лишнего, ничего отвлекающего от главного.

Харон бережно, как новорожденное дитя, положил свою добычу на один из трех прозекторских столов. Остальные два тоже были пусты. Клиентов конторы никогда не оставляли на ночь в прозекторской. Харон уважал их последнее право на приватность и требовал от сотрудников точно такого же уважения.

Тело, завернутое в окровавленный брезент, выглядело в стерильной прозекторской дико и даже чужеродно. Харон покачал головой, снял с вешалки медицинский халат, постоял пару секунд в раздумьях, а затем стащил с себя испачканную кровью сорочку, аккуратно свернул и положил на самый краешек стула. Во всем должен быть порядок. Даже когда свет уходит.

Халат едко пах стиральным порошком, и Харон раздраженно подумал, что нужно будет сделать замечание Майе Петровне, отвечавшей в конторе за хозяйственную часть. В обычной больнице Майя Петровна и была бы сестрой-хозяйкой, но Харон считал контору не медицинским заведением, а храмом. Какие уж сестры-хозяйки в храме? Да и саму Майю Петровну никак нельзя было отнести к техническому персоналу. Она была образованна, интеллигентна и умела держать язык за зубами. Пожалуй, выбор слишком резкой отдушки для бытовой химии был единственным ее проколом за долгие годы службы.

Поверх халата Харон надел резиновый фартук, нарукавники и одноразовые перчатки, снял туфли, сунул ноги в удобные резиновые боты, нацепил защитный щиток для глаз, подумал мгновение и отложил щиток в сторону.

К прозекторскому столу он подходил с легким душевным трепетом. Наверное, так влюбленный спешит на свое первое свидание. Харон никогда не был влюблен и никогда не был на свидании, но начитанность и воображение помогали представить то, что не удавалось почувствовать. Бережно и осторожно он начал разворачивать брезент. В этот момент он тревожился лишь о том, что женщина могла умереть, так и не дождавшись встречи с ним.

Не умерла. Поверхностное дыхание. Частый пульс. Левый зрачок шире правого — еще одно доказательство того, что дело плохо. И у нее, и у него. У него уходит свет, а у нее уходит жизнь.

— Все будет хорошо, — сказал Харон то ли женщине, то ли самому себе и принялся стаскивать с нее одежду. Сначала кожаную куртку. Затем узкие джинсы и черную футболку. Белье он тоже снял. В этом месте не принято стесняться наготы. Ни своей, ни чужой.

Женщина была хрупкой, ее скромным формам было далеко до форм прекрасной Персефоны. Да и не женщина лежала на холодном прозекторском столе, а девчонка лет двадцати — двадцати пяти. Да, девчонки тоже погибают в автомобильных катастрофах. Этот мир несправедлив. Впрочем, Харон никогда и не ждал от него справедливости.

Он вынул из держателя лейку душа, открыл кран, сначала с холодной водой, а потом и с горячей, проверил рукой температуру. Клиентам конторы должно быть комфортно. И плевать, что кто-то думает, что мертвым все равно. Ему, Харону, не все равно.

Первым делом он смыл кровь с головы девочки. Под запекшейся коричневой коркой оказались светлые, почти белые волосы. Рана на затылке все еще кровила, окрашивая воду розовым, но не эта рана станет причиной ее неминуемой смерти, а то, что под ней, под опасно-хрупкой черепной костью. А рана... Харону ли не знать, каким обильным может быть кровотечение из мягких тканей головы. Иногда оно кажется фатальным, но это всего лишь видимость. К сожалению, не в этом конкретном случае... Приближение скорого конца Харон всегда чувствовал с поразительной точностью. И смерть, кружащую рядом с настойчивостью стервятника, он тоже чувствовал.

Как достался ему этот дар или проклятье, Харон знал доподлинно. Ощущение неминуемости чужой смерти пришло к нему после смерти собственной. Так давно это было, таким маленьким он тогда был, что позабылось почти все, кроме одной-единственной картинки...

Женщина поразительной красоты, бледнолицая, темноволосая, с запястьями тонкими и изящными, с улыбкой такой ласковой, что не страшно и умереть. Она что-то говорила маленькому Харону, тогда еще просто Ванечке, говорила и гладила по голове своей прохладной ладонью. Он не запомнил ее слов, но уже тогда решил, что именно так и должна выглядеть смерть. Мама рассказывала, что тогда он выжил чудом, водила его в церковь, ставила на колени перед образами, заставляла молиться и благодарить. Он не противился — в том юном возрасте, в котором он пребывал, любое чудо принимаешь с легкостью, почти как данность. О том, что у чуда есть обратная сторона, он начал осознавать годам к четырнадцати. Наверное, тогда же, когда понял, что отличается от других — и от взрослых, и от детей. Примерно тогда же он впервые почувствовал близость смерти, ее легкое касание, ее благоволение.

И сейчас Харон точно знал, что лежащей на прозекторском столе девочке осталось совсем недолго, а потому следовало поторопиться.

Разумеется, он не стал спешить. Не в его правилах была бесполезная, ни к чему хорошему не приводящая суэта. Может быть, смерть настолько ему благоволит, что позволит этой девочке задержаться в мире живых чуть подольше? Чтобы он успел, чтобы поймал свой свет и пополнил свою коллекцию.

В прозекторской было прохладно, оптимально для клиентов конторы. Так бы сказал Мирон. Но девочка не была клиентом, девочка зашла в контору с черного хода. Он сам ее занес. И кажется, ей было холодно, несмотря на теплую воду, которой Харон смывал кровь с ее тела.

Это было непривычно, а потому неправильно. Возможно, впервые в жизни он пошел против правил и включил кондиционер на обогрев, а не на охлаждение. А еще он принес из своего кабинета клетчатый шотландский плед и завернул в него девочку. Отмытая от крови, она казалась совсем еще юной, даже более юной, чем он себе представлял. Зато Харон не ошибся в оценке пропорций и фактуры. Девочка стоила того, чтобы стать частью его коллекции. Посмертно, разумеется. Или прижизненно, если ему повезет и удастся поймать свет...

Инструменты и материалы были всегда наготове. Харон делал все сам, не доверял никому из своих сотрудников. Да и как можно доверить обывателю создание произведения искусства? Всегда только сам, всегда только в одиночестве, всегда только под покровом ночи. Всегда только с мертвецами. Но сейчас с живой, пока еще живой. Если прекрасная Персефона будет к нему благосклонна, он поймает момент перехода души из мира живых в мир мертвых, поймает в коварные сети искусства хрупкий миг умирания.

Он станет Хароном не по паспорту, он станет настоящим проводником и перевозчиком между мирами, заслужит не только благоволение смерти, но и ее уважение.

Наверное, от осознания важности предстоящей работы руки Харона дрожали. Впервые в жизни ему пришлось настраиваться и успокаиваться. Ему, который был едва ли не спокойнее собственных клиентов.

Успокоился. Взял себя в руки. Вдохнул, выдохнул и приступил...

Во время работы с живыми существуют определенные физиологические трудности. Он знал, как их обойти, знал, что нужно сделать, чтобы все получилось. Оставалось лишь поймать тот самый момент перехода. Тяжко одновременно творить и ловить момент, но ничего не поделаешь. Он получил неожиданный подарок и не собирался от этого подарка отказываться.

Ничего не получилось.

Харон все сделал правильно. Идеальная, можно сказать, филигранная работа. Работа, выполненная с душой. Работа, призванная запечатлеть освобождение души от брэнного тела. И ничего не получилось. Работа была сделана, а момент все не наступал и не наступал. Девочка продолжала упрямо цепляться за жизнь, несмотря на то что Харон чувствовал присутствие смерти прямо тут, в прозекторской, превращенной на эту ночь в мастерскую.

Девочка продолжала жить, а это означало, что все зря, что усилия и время потрачены напрасно. Работа испорчена, а его внутренний навигатор, похоже, сломан.

Харон отошел от стола, медленно стащил перчатки, свернул и бросил в бак с дезраствором. Потом аккуратно убрал инструменты и материалы и позволил себе то, что никогда не позволял в присутствии клиентов, — закурил прямо в прозекторской. Пока курил, раздумывал, как по-

ступить с работой. Уничтожить или сохранить жизнь этому мертворожденному ребенку, которому он едва не стал отцом. Или стал?

Харон докурил сигарету, погасил и бросил в бак с перчатками и дезраствором. Утром обязательно нужно будет все убрать до прихода персонала. Все убрать...

Девочка продолжала жить. На оцинкованный стол из раны на голове натекла уже изрядная лужа крови, а она все не сдавалась, не отпускала душу в его уже бесполезную ловушку.

Девочка жила, а смерть все кружила и кружила рядом, заглядывала Харону через плечо, гладила девочку по уже почти высохшим белокурым волосам, не отпускала и не забирала к себе, словно бы тоже решала, ее это дитя или не ее. А потом отступила. Харон отчетливо почувствовал этот момент. В нем не было ни досады, ни злости, ни разочарования, разве только легкое недоумение сущности, давным-давно переставшей удивляться. Приняла решение или просто на время отступила? Харон не знал. Определенно он знал только одно: пришла его очередь принимать решение.

Номер Мирона был в его мобильном на быстром наборе. Мирон сам же его и установил. Харон нажал на кнопку вызова, закрыл глаза, вслушиваясь в раздражающе-громкие трели дозвона. Наконец в трубке что-то щелкнуло, и сонный голос ворчливо сказал:

— Уж полночь близится.

— Приезжай. — Харон открыл глаза, посмотрел на завернутую в плед девочку. — Это срочно.

— Куда? — Голос на том конце из ворчливого сделался встревоженным.

— В контору, — сказал Харон и поморщился.

ГЛАВА 2

Вообще-то Харон был ночной тварью. Это он сам себя так называл, это не Мирон придумал. Но посреди ночи он никогда не звонил. Вот Мирон мог, а Харон никогда. Он жил по своим однажды раз и навсегда установленным правилам и никогда эти правила не нарушал. До сегодняшней ночи. И сиплый, как завывание ветра, голос его показался Миرونу взволнованным, хотя быть такого не могло. Харон был биороботом без чувств, без эмоций, без привязанностей. Ну, почти без чувств, если уж быть до конца справедливым. К Миرونу он все же испытывал какие-никакие чувства. Наверное, их даже можно было бы назвать привязанностью. Мирон понятия не имел, на какой ступени стоит в иерархии приоритетов Харона — выше его клиентов или сразу после них, но над остальными смертными. Как бы то ни было, Харон никогда не звонил ему ночью и уж тем более не приглашал в контору. Вход в контору ночью был заказан всем. Так что же заставило Харона изменить правила?

Добираться до конторы нужно было через весь город. Днем на это уходило минут сорок, но ночью доехать получилось почти в два раза быстрее. Конечно, ни Харон, неукоснительный блюститель всяких разных правил, ни уж тем более Ба такую лихость не одобрили бы, но Мирон чувствовал, что нынешний случай исключительный и лучше бы ему поспешить.

Автомобиль Харона, черный хищного вида катафалк, был брошен на подъездной дорожке, прямо возле полуголой каменной бабы с подозрительным, как у школьной училки, взглядом. Баба звалась Персефоной, но знали об этом единицы. Бóльшая часть клиентов и гостей считали

статую неприличной и неуместной для этой юдоли скорби. Им было невдомек, что она хозяйка той самой юдоли и есть.

Под недобрым взглядом Персефоны Мирон выбрался из салона, поежился от ночной свежести и почти бегом направился к центральному входу. Дверь в контору была открыта. Вот вам и еще одна странность. Харон всегда запирает двери по ночам. Боялся ли он грабителей? Это вряд ли! Боялся ли всякого потустороннего? Это вдвойне сомнительно. При его-то роде занятий глупо бояться мертвецов. Можно сказать, на мертвецах зиждился весь его похоронный бизнес. А бизнес, между прочим, был весьма серьезный — в городе и районе Харон считался монополистом. Мало того, к нему приезжали клиенты из области. За эксклюзивными, так сказать, услугами. На взгляд Мирона, весьма странными и специфическими. Но кто нынче без странностей? Харон и сам был сплошной странностью, но двери всегда запирает.

Мирон вошел в гулкий, освещенный настенными бра холл и едва удержался от задорного клича: «Есть кто живой?» В стенах конторы его всегда тянуло на всякие глупости. Возможно, потому, что по роду работы он был полным антиподом Харону, можно даже сказать — конкурентом.

Шаги отражались от стен гулким эхом, красный свет бра недвусмысленно намекал на inferнальность этого места, и Мирон ускорил шаг. Он знал, где искать Харона. По крайней мере, догадывался по яркому и одновременно мертвенному свету, струившемуся из окон технического крыла. Самого Харона ни в одном из белых прямоугольников окон не было видно, но это лишь потому, что в проекторской нет окон. А где еще искать Харона на ночном дежурстве?

Уже оказавшись перед стеклянными дверьми технического крыла, Мирон вспомнил, что забыл дома ключ-карту, — придется звонить Харону, чтобы открыл изнутри. Звонить не пришлось, электронный замок щелкнул в тот самый момент, когда Мирон потянулся за телефоном.

В техническом крыле и освещение было по-технически ярким, больше никакой инфернальщины, никакой преисподней. Длинный коридор вывел Мирона к гостеприимно распахнутой двери прозекторской. Мирон принялся — пахло табачным дымом, чуждым для этого почти стерильного места. Ох, не к добру...

Оказалось, и в самом деле не к добру. Сначала Мирон увидел понуро сидящего на белом вращающемся стульчике Харона, потом аккуратно — ну как же иначе! — свернутую рубашку на краю второго стула. Рубашка была в пятнах крови. А потом он увидел зачем-то завернутую в клетчатый плед покойницу. Девушка была молода. При жизни она, вероятно, была хороша собой, потому что даже мертвая вызвала определенный интерес. Или причина в искусно наложенном гриме? Харон был непревзойденным мастером посмертного макияжа.

— Ну, вот он я, — сказал Мирон шепотом, переступил порог прозекторской и тут же обнаружил еще одну странность. Внутри было тепло, а должно быть очень даже прохладно. — Зачем кликал?

— Забирай. — Харон посмотрел на него полным тоски и муки взглядом.

Это Мирон понимал, что тоски и муки, а непосвященный человек уже шарахнулся бы в сторону и осенил себя крестным знаменем. Уж больно нестандартной была у Харона внешность. Высокий — полные два метра. Боллезненно худой, длиннорукий и длинноногий, полностью лишенный растительности на лице. Полностью — это